

УДК 821.161.1

DOI: 10.21779/2542-0313-2019-34-3-31-37

К.К. Джадарова

**К вопросу о жанровом своеобразии «Выбранных мест из переписки с друзьями»
Н.В. Гоголя**

*Дагестанский государственный университет; 367000, Россия, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43а; zanita_kam@mail.ru*

В статье анализируется уникальная жанровая природа «Выбранных мест из переписки с друзьями» в контексте жанровой системы Гоголя.

Предмет исследования – жанр цикла как форма, имеющая важное значение не только для творчества писателя, но и для развития всей русской литературы XIX века. В работе сопоставляются два гоголевских сборника – «Арабески» и «Выбранные места...» – с точки зрения содержания, композиции и авторского замысла, выявляется их типологическая общность.

Автор, рассматривая особый тип циклизации данной книги Гоголя, выделяет синтез различных литературных традиций в книге – церковной и светской – и обращает внимание на тип их взаимодействия, заключающийся в том числе и в противоречивом соединении взаимоисключающих жанровых начал.

Специфичность жанровой природы «Выбранных мест...» определяется также авторской установкой на преодоление «литературности» и границ между художественным и нехудожественным словом.

Ключевые слова: *жанр, цикл, композиция, проповедь, автор.*

«Выбранные места из переписки с друзьями» – книга этапная для Гоголя во многих аспектах, в первую очередь, безусловно, в духовном. С точки зрения жанровой природы «Выбранные места...» завершают галерею гоголевских сборников. Форма цикла выражает наиболее важные, глубинные основы мировосприятия и художественного метода писателя, в том числе и его жанрового мышления. Единство в многообразии, соотношение уникального и общего, объединение и одновременно контраст несоединимого с привычной точки зрения – все это не только основные мотивы, но и ведущие художественные принципы сборников Гоголя, способствующие более глубокому пониманию литературных произведений.

В этом отношении нам представляется очень показательным феномен петербургского сборника Гоголя – цикла, созданного как бы не совсем автором, названного тоже не им, и, тем не менее, уже давно реально существующего и для читателей, и для специалистов². Хорошо известно, что авторские тексты могут становиться фольклором. В данном случае можно говорить о том, что именно форма, жанр, если и не «перешли» в фольклор, то благодаря интуитивному осмыслению принципов жанрового мышления

² В терминологии М.Н. Дарвина такой тип цикла определяется как вторичный, И.В. Фоменко – читательский.

Гоголя – по аналогии с предыдущими гоголевскими сборниками – закрепились в читательском восприятии и, конечно, не случайно.

Циклическая форма порождается потребностью в полноте и адекватности отображения картины бытия. Она есть у разных авторов и литературных направлений: и в светской, и в церковной литературе, и в средневековых сборниках, и в творчестве современных Гоголю писателей, прежде всего – романтиков с их поисками универсального знания, всеобъемлющего и в то же время отвергающего догматизм и умозрительные конструкции, навязываемые реальности. В отличие от крупных эпических жанров, в которых ценится некое единство взгляда, охватывающего широкую картину действительности, жанровая идея прозаического цикла рождается как равнодействующая сила двух противоположно направленных начал. Наравне с целью (используя формулировки Гоголя из разных статей «Арабесок») передать идею единства и «составить одну величественную полную поэму», увеличить «объем кругозора», так как «художник выигрывает, будучи более настроен колоссальностию здания» [1, с. 61], в сборнике одновременно не менее важна установка на сохранение и даже акцентирование идеи отдельности, разности и многообразия явлений и фактов бытия.

В сборнике в результате синтеза жанров возникает феномен наджанровой цельности, нового сверхтекста и соответственно смысла. Синтезируясь, жанры вступают в особый диалог друг с другом. Синтез жанров – это парадокс, потому что в каком-то смысле понятие жанра равносильно понятию художественного единства. Преодоление границ жанра и художественной целостности актуализирует проблему жанра. Форма цикла создает, по словам Ю.М. Лотмана, ситуацию «текста в тексте», композиционная рамка используется для совмещения текстов, закодированных различными способами [2, с. 159].

Композиция гоголевских сборников – это авторский посыл, выраженное воплощение его субъективности, его точки зрения на предлагаемое разнообразие. Это особая модель бытия, в которой определяющую роль играют понятия единства, аналогии, обусловленности. Но это объединение не подчиняется линейной логике и прямому детерминизму, в сборнике как модели действительности воспроизводятся прежде всего формы связей, в том числе и неочевидных на первый взгляд. И «Выбранные места из переписки с друзьями», последний гоголевский сборник, – это художественное целое, а не объединение текстов по случаю, и это цикл авторский. После изъятия цензурой значительной части произведения Гоголь пишет Анне Михайловне Виельгорской: «Плетнев, как я узнал, сделал неосмотрительную вещь, выпустив в свет один кусок моей книги. Статьи, которые составляли одну только треть книги, которые могли быть вполне ясны только в соединении с другими статьями. В этой книге всё было мною рассчитано и письма размещены в строгой последовательности, чтобы дать возможность читателю быть постепенно введену (sic!) в то, что теперь для него дико и непонятно. Связь разорвана. Книга вышла какой-то оглодыш» [3, с. 202]. Как видим, писателя расстраивает утрата «последовательности», а вместе с ней и «связи» между частями «Выбранных мест...», хотя эти части – письма, написанные в разное время разным людям по разным поводам. И Гоголь вполне отдает себе отчет в том, какие ощущения может вызвать у читателя его книга: «дико» и «непонятно». Как хорошо известно, переписка вызвала в основном отрицательные отзывы современников автора, долгое время была почти вне

поля зрения исследователей, и только в последнее время она стала предметом пристального и всестороннего литературоведческого рассмотрения [4, 5, 6].

А.А. Григорьев, выступая в защиту «Выбранных мест...» в своей статье «Гоголь и его последняя книга», многократно использовал определение «странный» в отношении этой книги: «эта странная книга Гоголя», «эта странная переписка» [7, с. 106–125].

Необычность книги заметили многие. Даже те, кто положительно оценил это произведение, понимали, что будет много критических отзывов. Например, П.А. Вяземский в статье «Языков и Гоголь» [8] довольно много говорит о том, что диковинно для читателей в «Выбранных местах...» и каким образом Гоголь мог бы смягчить их реакцию на книгу, вызванную, по его мнению, во многом ошеломлением от необычности этой работы и от внезапной смены писательского «курса». Да и сам Гоголь предвидел эту реакцию.

До этого у Гоголя была еще одна «странная» книга – и тоже сборник – «Арабески». Она также более чем прохладно была встречена и критикой, и читателями. Странность «Арабесок» заключалась в нарочитом, причудливом (и это подчеркнуто названием) соединении совершенно разнородных и по содержанию, и по форме произведений. Если в «Выбранных местах...» общие содержательные и формальные составляющие все-таки очевидны – это письма (что также отражено в названии) – наставления с отчетливой религиозной и дидактической установкой, то в составе «Арабесок» таких явных «скреп» нет. Вместе с тем у этих двух сборников есть главное общее свойство, отличающее их от других циклов Гоголя, – это обращение к прямому авторскому слову. «Арабески» представляют собой сознательное смешение художественных текстов с нехудожественными, тогда как «Выбранные места...» более однородны в этом плане: здесь собственно литературные произведения отсутствуют.

Обе книги сближает грандиозность замыслов. История, география, эстетика, педагогика, религия, архитектура, фольклор становятся в «Арабесках» предметом размышлений, облеченные при этом в самые разнообразные жанры – повесть, эссе, план, статья, этюд. В «Выбранных местах...» автор обращается к религии, литературе, искусству, государственному устройству, положению крестьян и женщин, используя форму писем в сочетании с жанрами духовной прозы (проповедь, исповедь) и критической публистики.

Интересно сопоставить предисловия к обоим сборникам. Примечательный факт: у всех гоголевских циклов есть предисловия, хотя и очень разные. В «Мертвых душах» – значительном, крупном произведении – повествование не предваряется ничем. Словно Гоголь ощущал потребность обосновать эту циклическую форму, подчеркнуть единство. В предисловиях «Арабесок» и «Выбранных мест...» автор оговаривает время и условия создания своих произведений – «эпохи моей жизни» («Арабески»). Эти эпохи в чем-то диаметрально противоположны, а в чем-то – напротив, схожи. Оба сборника вышли в свет после серьезных внутренних и творческих проблем. «Выбранным местам...» предшествовала тяжелая болезнь, когда «смерть была близко». В «Арабесках», по словам автора, «многое молодого». «Выбранные места...» являются своеобразным итогом, духовным завещанием писателя, и это подчеркнуто включением в книгу завещания в буквальном, нелитературном, смысле: она с него начинается. Тексты, отобранные из написанных («не по заказу») ранее, – вот еще один художественный принцип, положенный в основу обоих циклов. Название и предисловие «Выбранных мест...»

свидетельствуют о сходном с «Арабесками» методе выстраивания сложносочиненного текста: некий ретроспективный взгляд и мозаичное построение из произведений, созданных прежде.

В обоих предисловиях сказано о пользе предлагаемого публике сочинения. Разумеется, в «Выбранных местах...» это сделано более явно и акцентировано: «Мне хотелось хотя сим искупить бесполезность всего, доселе мною напечатанного, потому что в письмах моих, по признанию тех, к которым они были писаны, находится более нужного для человека, нежели в моих сочинениях <...> Книга моя нужна и полезна» [1, с. 215–216]. Мысль о полезности «Выбранных мест...» повторена Гоголем почти словно уже в первых двух частях переписки: в предисловии и завещании. Затем, тоже в начальных главах книги (в IV «О том, что такое слово») автор говорит о высокой миссии слова и творца слова. А в письмах Гоголя периода издания «Выбранных мест...» автор подчеркивает, что едва ли не главное достоинство этого труда, – его полезность.

«Выбранные места из переписки...» являются очередным этапом в мучительных мировоззренческих и эстетических поисках Гоголя. Показательно, что «Арабески» тоже родились после пережитого творческого перелома. Две странные, как бы нескладные книги всей своей формой свидетельствуют об этих поисках, о неудовлетворенности возможностями современной Гоголю художественной словесности. В предисловии к «Выбранным местам...» оговаривается и форма («письма, специально отобранные»), и содержание («прибавляю 2–3 статьи литературные» и «прилагаю завещание»), что подчеркивает осознанность выбора жанровой формы произведения. В жанровой стратегии «Выбранных мест...» с настойчивым требованием полезности проявляются не только установки и традиции христианской словесности, но и черты древнейшего, архаического отношения к жанру – в обязательной связи с прагматикой жанра, условиями его рождения и бытования. Тем более что стремление к наивной простоте (простодушию) свойственно и стилю, и содержанию «Выбранных мест...». Оправдание и идеализация простого (возможно, даже примитивного) бытия/существования представляют собой основную идею многих писем, причем посвященных самым разным темам – искусству, женскому вопросу, социальным проблемам и т. п.

Вопрос о жанровом составе книги в целом не является особенно дискуссионным. В работе В.А. Воропаева «Переписка с друзьями Николая Гоголя как литературная проповедь» [9] рассмотрены и основные исторические жанровые формы, легшие в основу сборника (проповедь, исповедь, письмо), и полемика вокруг книги. Гоголя, как известно, критиковали все. Представители церкви – за «светское богословие»: с III в. церковь разрешает проповедовать только священникам и не допускает к проповеди мириан, как бы они ни были благочестивы и учены.

Гоголь на самом деле очень смело обращается с церковными жанрами. Это отметил святитель Игнатий (Брянчанинов) в своем отзыве о «Выбранных местах...»: «...она издает из себя и свет, и тьму. Религиозные его понятия не определены, движутся по направлению сердечного вдохновения, неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного... Книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы истины. Тут смешано...» [10, с. 420]. Писатель не только синтезирует церковные жанры со светскими формами и темами. Он вносит в книгу очень ярко выраженное личное начало. «Выбранные места...» – очень лирическая книга, в центре которой, безусловно, стоит автор. Это история его души. Уже само название книги определенным образом

характеризует жанровую специфику произведения: «Выбранные места...» – значит фрагментарность, пометка «с друзьями» вносит личный, даже конкретно-биографический и отчасти бытовой компонент в замысел, в восприятие произведения. На это указал и П.А. Вяземский в статье «Языков и Гоголь». Современными исследователями отмечался особый автобиографизм книги Гоголя [11, с. 278–285].

С одной стороны, это проповедь и завещание, и автор не единожды это повторяет. С другой, это личные письма, когда-то написанные личным знакомым автора не для художественных целей, а по вполне жизненным, даже житейским, поводам. Имена адресатов писем указаны, значатся в заголовках писем, являются частью текста, придавая ему и камерность, даже нечто домашнее, и достоверность³. Столь любимый Гоголем стык взаимоисключающих тенденций обнаруживает их родство: что может быть лиричнее, чем последняя проповедь или духовное завещание?

Происходит модернизация жанра проповеди: это проповедь в мире пошатнувшихся устоев и ценностей, синтез церковной и светской литературы (собственно проповеди и собственно литературы), проповедь с очень явной долей лирического начала, в которой особое внимание уделяется вопросам литературы и эстетики. Это очень знаменательно – ведь, вроде бы «уходя» из области привычного и ему, и его современникам литературного творчества, Гоголь в своей новой и странной книге постоянно анализирует проблемы эстетики.

Известно, как напряженно Гоголь искал ответы на главные вопросы и при этом старался избежать односторонности. Синтез жанров, многожанровость помогали выразить это ощущение и понимание сложности, а порой нелогичности реальной жизни. В основе проповеди лежит совсем другая интенция – не просто стремление найти опору, общий знаменатель и вектор человеческого существования, но сама сущность проповеди предполагает некое твердое знание у проповедующего. Книга переписки держится на взаимодействии двух амбивалентных начал. Цикличность, многожанровость и многопроблемность, характерные для литературы рубежа XVIII–XIX вв., отражали осуществлявшийся переход к релятивистскому мышлению, к осознанию относительности любого знания. Отсюда же поиск новых нарративных стратегий, среди которых многосубъектность повествования – едва ли не самый главный прием. Мы хорошо знаем, как важна в гоголевской прозе 30-х годов усложненная система повествования. Даже там, где нет фигуры рассказчика (вроде Панька) или собственной речи героя (как в «Записках сумасшедшего»), у Гоголя все слишком непросто. Б.М. Эйхенбаум в знаменной работе с говорящим названием «Как сделана «Шинель» Гоголя» показал сложный внутренний механизм повествовательной ткани повести. А в «Выбранных местах...» писатель словно бы перестает играть с читателем, отказывается от масок, от приемов. Он говорит, по словам Вяземского, не от лица вымышленного героя, а от себя, и в этом плане «Выбранные места...» – это в полной мере лирическое произведение. И.С. Аксаков, в 1881 году публикуя впервые статью Гоголя «Борис Годунов. Поэма Пушкина», во вступительной заметке писал, что это произведение «замечательно... сочетанием юмористического таланта, несомненно проявляющегося на первых страницах, с тем лиризмом (очень еще тогда молодым), который был всегда, так сказать, подпочвой художественного реализма нашего великого писателя» [12, с. 475].

³ Достоверность придают и даты, проставленные в письмах, что подметил П.А. Вяземский.

В завещании, предваряющем текст писем, содержится признание в любви к соотечественникам («я вас любил!»), сопровождающееся фразой «Прочь, пустое прилие!». В этой фразе для автора – осознание того, что он нарушает определенные прилия-границы и каноны, обнажая душу. В предшествующих гоголевских произведениях подлинное авторское «я» скрывалось за всем тем, что подразумевает художественность, высокие порывы и душевная трепетность как бы прорывались сквозь сарказм, иронию или бесстрастность рассказа. В переписке это «я» обнажается, оно одновременно становится основным предметом повествования и формирует саму ткань повествования. Автор отказывается от всяческих масок, от «узаконенного обмана» «созданий художественных» (П.А. Вяземский): здесь нет не только фигур рассказчиков либо других посредников рассказывания, но и стилистической маски, все произносится серьезно и прямо, буквально и даже наивно. В статье о Карамзине Гоголь пишет, что особенно ценит в этом литераторе: автора, который прямо, смело и благородно говорит правду.

Стирание грани между словесностью и реальностью, между художественным текстом и нехудожественным становится едва ли не главной особенностью «Выбранных мест...». Тема границы вообще и границы между искусством и действительностью в частности давно волновала Гоголя. В тех же «Арабесках» звучал этот мотив, и особенно отчетливо – в повести «Портрет».

Сопоставление «Арабесок» и «Выбранных мест...» позволяет, на наш взгляд, приблизиться к пониманию своеобразия последнего сборника Гоголя. Типологическая близость их, родственность подчеркивает их генетические отличия: «Арабески» – произведение прежде всего литературное, о «Выбранных местах...» так категорично сказать нельзя. Странность «Арабесок» – в их причудливости, и нарочитой, и невольной. Странность «Выбранных мест...» – в особом созвучии (которое можно назвать и столкновением) художественно-смысовых линий: эстетической и морально-религиозной (отвергающей порой художественность), литературной и публицистической, проповеднического слова-знания и релятивистской многожанровости.

Литература

1. Гоголь Н.В. Пол. собр. соч. / ред.: Н.Ф. Бельчиков, Б.В. Томашевский; АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Т. 8: Статьи. – М., 1952.
2. Лотман Ю.М. Текст как семиотическая проблема // Лотман Ю.М. Избр. статьи. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1.
3. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. / ред.: Н.Ф. Бельчиков и др.; АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Т. 13. – М., 1952.
4. Виноградов И.А. Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями» Николая Гоголя) // Литературный факт. – 2017. – № 5. – С. 416–426.
5. Анненкова Е.И. «Рим» и «Выбранные места из переписки с друзьями»: от римского текста к русскому // Творчество Гоголя в контексте европейских культур. Взгляд из Рима. 17 Гоголевские чтения. – М.; Новосибирск: Новосибирский изд. дом, 2017. – С. 52–62.
6. Сартаков Е.В. Выбранные места из переписки с друзьями Н.В. Гоголя: помещик и крестьянин // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. – 2013. – № 3. – С. 57–71.

7. Григорьев А.А. Гоголь и его последняя книга // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В.К. Кантора и А.Л. Осповата. – М.: Искусство, 1982.
8. Вяземский П.А. Собр. соч.: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 2.
9. Воропаев В.А. Переписка с друзьями Николая Гоголя как литературная проповедь // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://rusk.ru/st.php?idar=27292>.
10. Виноградов И.А. Неизданный Гоголь. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001.
11. Анненкова Е.И. Письма Гоголя к о. Матвею и Белинскому: духовно-творческое самоопределение светского писателя в свете автобиографических сочинений Григория Богослова // Гоголь как явление мировой литературы: сб. ст. по материалам Межд. науч. конф., посвященной 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя / под ред. Ю.В. Манна. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 278–285.
12. Манн Ю.В. Комментарии // Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Художественная литература, 1986. – Т. 6. – С. 454–540.

Поступила в редакцию 25 сентября 2019 г.

UDC 821.161.1

DOI: 10.21779/2542-0313-2019-34-3-31–37

To the question of the genre originality of “The Selected Passages from Correspondence with Friends” by Nikolai Gogol

K.K. Dzhafarova

Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a; zania_kam@mail.ru

The article analyses the unique genre of "The Selected Passages from Correspondence with Friends" in the context of the Gogol's genre system.

The object of the research is a cycle genre as the form important not only for works of the writer, but also for development of the Russian literature of the 19th century. Two Gogol's collections – "Arabesques" and "The Selected Passages..." – in terms of contents, composition and author's message are compared, their typological commonality is revealed.

The author considering special type of cyclization of Gogol's work, allocates synthesis of various literary traditions in the book – church and secular – and pays attention to the type of their interaction consisting in contradictory connection of the mutually exclusive genre principles.

The specificity of the genre nature of "The Selected Passages..." is also defined by the author's opinion on overcoming "literary nature" and borders between artistic and inartistic words.

Keywords: *genre, cycle, composition, sermon, author.*

Received 25 September, 2019